

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

1. Эмигрант, модельер, космонавт	7
2. Судьбоносные баранки	15
3. Подкидыш королевских кровей	22
4. Скорпионы в банке и Ахматова	31
5. Там, где спят драконы	38
6. Черный человек в темной комнате	46
7. Жареный сазан и думы	55
8. От Верблюжки до милиции.	64
9. Люди как звезды.	75
10. Рыцарь раздора	83
11. Альма-матер по имени «Шесятлет»	91
12. Долли тоже едет в Берлин.	99
13. Мертвая поляна	106
14. Гопники и художники	114
15. В добный путь, выпускники!	121

Часть 2

1. Птенцы встают на крыло.	139
2. Сюр на ночной станции	146
3. Свечи, цветы, долма	154
4. Необыкновенный день тюремного пса	161
5. Тушканчик встречает зиму	169
6. В гостях у жанатасского Ван Гога.	176
7. Вечер июльский был душен и ал...	183

8. Город-призрак	190
9. Дочь лейтенанта Шмидта	197
10. Страсти табачных полей	205
11. Свобода пахнет яблоками	212
12. Каравелла на зыбких парусах	219
13. Хорошая жена умеет правильно резать хлеб	227
14. Светлая дорога домой	235
15. Отдам ребенка в хорошие руки	243
16. «Осень... Тучи... Земля прекрасна!»	250
17. Вдребезги	262

Часть 3

1. Все это было, было...	273
2. Магия родного города	281
3. Старые вопросы, новые ответы	291
4. Повторится — не повторится	300
Эпилог	308
Благодарности	314

Старые письма. Опавшая листва ушедшего столетия, даже тысячелетия.

Жухлые страницы, ломкие края. Хранители голосов, мыслей и утраченного тепла, которым навеки окутано прошлое.

Куцые, написанные второпях на коленке. Они выскользывали из почтового ящика прямиком в нетерпеливые руки.

Длинные и обстоятельные, на пять-шесть страниц. Эти делали конверт неприлично пухлым и обещали увлекательное чтение.

Буквы, как и их хозяева, разноликие.

Мелкие, похожие на бисер, усыпают вырванный из тетради листок, теснятся и соскальзывают за края.

Размашистые маршируют, как гренадеры, по разлинованному бумажному плацу.

Круглые, точно валуны в горной речке, катятся, подпрыгивают, подгоняют друг друга выпуклыми боками.

А за буквами — люди.

В первом ряду те, кто ушел, но в потертом письме оставил немного себя, юного и чуточку бесстолкового. Можно коснуться их, покинувших настоящее, кончиками пальцев. Они там, по ту сторону букв.

Вслед за ушедшими — живые, повзрослевшие, отягощенные грузом лет и километрами расстояний, несбывшимися надеждами и утраченными иллюзиями. Они уже и не помнят, какими остались в письмах.

За выцветшими строчками — девчонки с сахарными начесами, обесцвеченными челками и серебристыми тенями на веках. Мальчишки — с гитарами, запасом разбивающих сердца песен и дерзким прищуром глаз.

Одно общее есть у всех.

Город, в котором выросли.

Кто-то здесь же родился и огласил криком прилегающее к роддому озеро.

Кого-то привезли младенцем, тugo обернутым в кокон байкового одеяла.

Кто-то заявился угрюмым подростком, и город принял его в свои знойные, припорощенные пылью объятия.

И покатилась жизнь, как перекати-поле по бескрайней степи...

ЧАСТЬ 1

Когда бездумно пророчит лето,
А человеку — шестнадцать лет,
И столько веры в свои победы
И в то, что Бога на свете нет!
И вечер теплый, и ветер южный,
И окрыляет избыток сил,
И очень важно, и очень нужно,
Чтоб кто-то бережно объяснил,
Что жизнь проходит, меняет краски,
То зацелует, то отомстит,
Не все то горе, что нету счастья,
Не все то золото, что блестит,
Что в мире много таких вопросов,
Где не ответить начистоту,
Что резать вены — еще не способ
Свою доказывать правоту.

Екатерина Горбовская

1. ЭМИГРАНТ, МОДЕЛЬЕР, КОСМОНАВТ

— А я вчера мышей убила половником.

— И это говорит человек, который мечтает стать знаменитым модельером! — гыгыкнул Андрей.

— А что мне было делать? Выхожу на балкон, а они шуршат в пакете с сухарями. — Ольга разверла руками, ничуть не раскаиваясь.

— Представляю, как ты метнулась за половником и пошла крушить их, как Рэмбо.

— А ты бы их обогрел, накормил и усыновил?

Айшá слушала и представляла пакет с кроваво-хлебным месивом, последнее пристанище несчастных мышей. Дернула плечами от отвращения.

— Спасибо, теперь точно на ночь есть не буду.

Они сидели на скамейке возле дома. К городу подкрадывались сумерки и вытесняли дневную одуряющую жару. Листья карагачей, мелкие и

клейкие от зноя, поблескивали под лучами уга-сающего солнца. Еще один летний день кло-нился к закату. Атмосферу то и дело прорезали пронзительные крики — мальчишки играли в казаки-разбойники. Пыль, вечное покрыва-ло города, зависала мелкой взвесью в воздухе и едва успевала лечь, как ее снова вздымали не-угомонные детские ноги. Девчонки помладше со-средоточенно плели узоры из длинной резинки, прыгали через нее по очереди, тряся хвостиками и косичками. Из распахнутых настежь окон доно-силась какофония телевизоров, обрывки разго-воров и звонкое постукивание поварешек о края разнокалиберных кастрюль. Кто-то курил в окно, кто-то поливал палисадник из шланга, иногда обдавая самых шумных казаков и разбойников.

— Бабушка уже вызов и номер получила. Ей осталось съездить в Москву, забронировать ме-сто в самолете, оформить визу. А следом и мы с мамой. И все. Пока, СССР! Гутен абенд, Герма-ния! — Андрюха вскочил, делая вид, что уходит, картино помахал рукой и засеменил Чарли Чап-лином.

Тающее солнце через сито листвы скользнуло отблеском по его темной стриженой голове. Ху-дой, с черными бровями и неожиданным азиат-ским разрезом глаз, он никак не вязался с обра-зом истинного арийца.

— Фонпанбек, останься! — рассмеялись девчонки.

Он вернулся к скамейке, плюхнулся рядом и толкнул Айшу в бок.

— Не хотите, чтобы я уезжал, так и скажите.

Наклонился и привычно пошарил по земле, отыскивая нужный по форме и размеру камешек. Нагретый за день голыш лег в руку, заскользил меж пальцев, перекатился, подлетел вверх, словом, заслужил неслыханное приключение, в отличие от других каменных собратьев.

Мама у Юрковского действительно была немка. Папа — наполовину поляк, наполовину казах. Вот и получился Андрюха — и фон, и пан, и бек.

В июне 1991 года эту троицу выпускников, да и всех остальных горожан, национальный вопрос не волновал. Скорее, вызывал любопытство, сколько и каких кровей у кого намешано. Потому что в крохотном городке, как в казане, варился самый разношерстный люд со всех концов Советского Союза.

Поначалу в голой степи появился поселок, потому как скрывались тут несметные залежи полезных ископаемых. Так и возникла на карте малюсенькая точка с гордым названием Ҙанатас¹. И закипела работа, с размахом развернулись и добыча фосфоритной руды, и строительство домов. Всезнающий Андрей вещал, что по объему

¹ Ҙаңа — новый, *тас* — камень. Здесь и далее перевод с казахского языка, если не указано иное.

добычи их город на втором месте в Советском Союзе. Правда, на вопрос, кто на первом, ответить затруднялся. Еще он утверждал, что на генеральном плане застройки есть даже аэропорт. Девчонки верили слабо, но с восторгом гадали, в каком уголке Жанá-Парижа — так местные с любовью называли Жанатас — его могут построить.

Город рос. Народ тянулся сюда по разным причинам: кто за длинным рублем, кто по комсомольской путевке, кто с гитарой наперевес на встречу романтике. Свою лепту внесли и зэки, чья колония-поселение находилась тут же. Олина тетя преподавала им биологию. Этот факт воспринимался актом неизмеримого героизма. Шутка ли, входить по доброй воле в логово тигров с одной лишь указкой.

— Повезло, что тетя раздобыла польский трикотаж. Уже дошиваю свое маленькое черное платье. Осталось решить, где будет молния — на спине или сбоку.

Невысокая, ладненькая Ольга могла позволить себе любой фасон. Она и сейчас была в мини-юбке в обтяжку и топике с тонкими лямками. Крепкое, налитое тело, с задорными яблочками грудей, без единого изъяна. Хотя сама Ольга считала ноги коротковатыми, о чем не уставала говорить, желая, чтобы ее непременно убедили в обратном.

— Тебе пойдет. Мое тоже почти готово, последняя примерка осталась. Все, как хотела: широкий пояс, пышная юбка, рукава фонариком.

Айша, в отличие от подруги, короткого избегала — истово считала себя толстой. Она не осознавала, что пухлость ее скорее милая, чем отталкивающая. Айша всегда любовалась Олей, а в собственной фигуре ничего выдающегося не находила. Волосы как волосы — темно-каштановые, разве что длинные и волнистые. Глаза как глаза — из-за разреза на фотографиях выходил несколько сонный вид. Если подвести веки карандашом, то взгляд становился выразительнее. Беда в том, что краситься Айша не любила, суetu вокруг внешности воспринимала как пустую трату времени.

Неподалеку раздался причудливый, едва слышный свист.

— Все, я пошел, а то дойдете до обсуждения нижнего белья.

Андрей отбросил камешек и встал. Махнув на прощание, он растворился в летних сумерках, слегка подкрашенных фиолетовым, как разбавленный смородиновый компот.

— Слышала? — Ольга мотнула головой в ту сторону, куда ушел Фонпанбек. — Это КПА. Они постоянно его высвистывают под окнами.

Андрей и Ольга жили в одном подъезде — том самом, возле которого они и сидели, уже свободные от экзаменов, в предвкушении выпускного. Айша — в соседнем доме. Учились тоже вместе. Правда, Андрей присоединился к ним только в седьмом классе. Девчонки до третьего класса